

Влияние украинского фактора на политическую элиту и гражданское общество Приднестровья

Алексей К. Сквиков¹, Ольга В. Леонтьева², Владимир В. Ястребчак³

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия,*

skovikov@yahoo.com

² *Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика,*

lov_pmr@mail.ru

³ *Тираспольская школа политических исследований, Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика,*

vladhawk@rambler.ru

Аннотация: рассматриваются политические, социальные и иные предпосылки формирования политической элиты и гражданского общества Приднестровья как самостоятельных политических феноменов. Данные институты развивались не изолированно, а в рамках тех политических процессов, которые были характерны для региона в процессе его становления и существования в различных социально-политических условиях. Обобщены и проанализированы различные аспекты влияния на данные процессы украинского фактора как с точки зрения прямого влияния украинской политической элиты и гражданского общества, так и в контексте идеологических концепций, сформулированных в украинском политическом дискурсе в течение длительного периода времени.

Представлены конкретные методы влияния украинского политического класса на политическую элиту и гражданское общество Приднестровья. Особая активность украинской стороны наблюдалась в период до 2014 года, когда приднестровская политэлита рассматривалась в Киеве как самостоятельный субъект со своими интересами, что обуславливало выбор тех или иных форм влияния. Одной из наиболее значимых форм такого влияния выступала прямая межэлитная коммуникация, позволявшая на высшем и высоком уровне идентифицировать интересы сторон и находить взаимоприемлемые решения.

После 2014 года ситуация драматическим образом меняется. Украинская политическая элита отказывается признавать статус самостоятельного субъекта за приднестровской политической элитой и рассматривает ее в качестве инструмента реализации российских интересов. При этом особую роль начинает играть фактор границы как ключевой ресурс воздействия украинской стороны на приднестровскую политэлилу, ее бизнес-интересы, возможности передвижения и т. д. Аналогичным образом украинская сторона сводит к минимуму контакты с приднестровским гражданским обществом, оставляя за собой, однако, опцию мониторинга приднестровской политической системы.

В украинском политическом нарративе складывается противоречие, когда украинская власть не может использовать символический потенциал целого ряда приднестровских локаций, актуальный для современной политической идеологии Украины, только потому,

что они находятся на подконтрольной приднестровской политической элите территории, контактов с которой украинская власть избегает.

Ключевые слова: политическая элита, гражданское общество, Приднестровье, Украина, «украиновство», фактор границы, межэлитная коммуникация

Для цитирования: Сквиков А. К., Леонтьева О. В., Ястребчак В. В. Влияние украинского фактора на политическую элиту и гражданское общество Приднестровья. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(4):532-549. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-532-549>

Статья поступила 25.10.2020

Принята в печать 24.11.2020

Опубликована 01.12.2020

The Impact of the Ukrainian Factor Over the Political Elite and the Civil Society of Transdnistria

Alexei K. Skovikov¹, Olga V. Leonteva², Vladimir V. Yastrebchak³

¹ Russian Presidential Academy of National Economy
a Public Administration Science, Moscow, Russia,

skovikov@yahoo.com

² Transdnistrian State University named after T. Shevchenko,
Tiraspol, Transdnistria,

lov_pmr@mail.ru

³ The Tiraspol School of Political Studies,
Tiraspol, Transdnistria,

vladhawk@rambler.ru

Abstract: there are studied political, social and other grounds of formation of the Transdnistrian political elite and civil society as self-sustained political phenomena. These institutes have been developing not isolatedly but in the framework of those political processes that were typical for the region during the period of its establishment and existence in different social and political conditions. There are summarized and analyzed different aspects of the Ukrainian factor impact over these processes as by direct influence of the Ukrainian political elite and civil society, as well as in the context of ideological concepts formulated in the Ukrainian political discourse during a long period of time.

Concrete methods of the Ukrainian political class impact over the Transdnistrian political elite and civil society are also presented. A very special activity of the Ukrainian side could be seen up to 2014, when the Transdnistrian political elite had been considered in Kiev as an independent subject with its own interests that in its turn determined the choice of certain forms of impact. Direct inter-elite communication used to be one of the most meaningful forms of such impact,

that allowed to identify the sides' interests and to find mutually acceptable decisions on the highest and high levels.

Since 2014 the situation has changed dramatically. The Ukrainian political elite refuses to recognize the Transdnestrian political elite's status of a separate (independent) subject and considers it to be a tool for the Russia's interests' implementation. There appears a special role of the border factor as of a key resource for pressure over the Transdnestrian political elite, its business interests, options for traffic etc. The same way the Ukrainian side minimized contacts with the Transdnestrian civil society. But at the same time Ukrainians keep for themselves the option for monitoring the Transdnestrian political system.

In the Ukrainian political narrative there appears a contradiction, when the Ukrainian political authorities can't use a symbolic potential of a number of Transdnestrian locations, actual for the modern political ideology of Ukraine only because that these locations are situated on the territory controlled by the Transdnestrian political elite whilst Ukrainians avoid any contacts with the latter.

Keywords: political elite, civil society, Transdnestria, Ukraine, Ukrainian studies, border factor, inter-elite communication

For citation: Skovikov A. K., Leonteva O. V., Yastrebnak V. V. The Impact of the Ukrainian Factor Over the Political Elite and the Civil Society of Transdnestria. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):532-549. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-532-549>

Received 25.10.2020

Revised 24.11.2020

Published 01.12.2020

ВВЕДЕНИЕ

Проблема политической элиты и гражданского общества, их взаимодействия является актуальной для любого государства, поскольку от уровня и качества этого взаимодействия в значительной степени зависит эффективность реализации государством своих функций, уровень развития демократических институтов, уровень вовлеченности граждан в управление делами государства и степень развитости институтов общественного контроля и другие параметры социально-политического развития государства.

В самоопределившихся государствах постсоветского пространства, в частности, в Приднестровье, проблематика контактов политической элиты и гражданского об-

щества имеет не меньшую актуальность, чем в государствах, пользующихся полной международной правоспособностью. От эффективности взаимодействия политэлиты и гражданского общества в таких государствах в значительной степени зависит внешняя и внутренняя легитимность государственности, обоснованность правопритязания элиты на представление населения и действия в совокупном общественном интересе, возможности политической элиты эффективно реализовывать свои функции, в том числе по ситуативному реагированию (это особенно значимо в условиях глобальной пандемии COVID-19) и межэлитной коммуникации, которая для политэлиты самоопределив-

шихся государств имеет дополнительный легитимизирующий фактор.

В самих самоопределившихся государствах как политическая элита, так и гражданское общество по своим параметрам в принципе соответствуют аналогичным политическим институтам в других государствах. В настоящей работе мы исходим из понимания политэлиты как относительно закрытой социально-политической группы, в состав которой входят лица, которые по своему функциональному статусу могут принимать решения общегосударственного уровня, участвовать в их реализации и контроле за их исполнением, а также влиять на принятие таких решений. Под гражданским обществом мы понимаем совокупность социальных, политических и иных институтов, обеспечивающих участие граждан в различных общественно-политических, экономических и иных процессах (политические партии, СМИ, общественные организации, НКО, экспертно-аналитические центры, этнокультурные объединения, научные центры и учреждения образования, бизнес-ассоциации и другие структуры), а также в той или иной степени осуществляющие контроль за деятельностью органов власти.

Вместе с тем, статус самоопределившихся государств в значительной мере обуславливает их зависимость от внешнего фактора, который так или иначе влияет как на политическую элиту, так и на гражданское общество. Внешний фактор может становиться как фактором стабильности, так и дестабилизирующим фактором; он может влиять на политическую элиту и гражданское общество в интересах конкретного субъекта, прямо или косвенно участвовать в формировании политэлиты, укреплять гражданское общество или, напротив, ослаблять его.

Как представляется, в случае с Приднестровьем украинский фактор влияния на местную политическую элиту и гражданское общество можно рассматривать в качестве одного из наиболее значимых как в свете политических процессов в Приднестровье, так и в контексте современной ситуации на Украине. Украина является политико-географическим соседом Приднестровья, в Приднестровье проживают десятки тысяч граждан Украины и более 150 тысяч этнических украинцев, многие представители политэлиты Приднестровья получали высшее образование в украинских вузах и т. п.

При этом под «украинским фактором» мы понимаем совокупность форм и методов воздействия, осуществляемых как государственными (политическими) институтами Украины (вне зависимости от этапа и формы государственности) и структурами украинского гражданского общества (негосударственными структурами), так и в рамках идеологического концепта «украинство». Применительно к политико-идеологической сфере мы исходим из тех подходов, которые были сформулированы «классиками» украинского национализма разных периодов, к примеру, «одна, единая, неделимая, свободная, самостоятельная Украина от Карпат до Кавказа» [1], хотя некоторые авторы и отрицают наличие на Украине собственной национальной элиты вплоть до начала процессов демократизации и обретения независимости, поскольку «административные должности в оккупационных администрациях» не могли обеспечить «утверждение украинства» [2], однако с этим утверждением сложно согласиться, по крайней мере, исходя из некоторых этапов существования Украинской ССР. При оценке политико-идеологической составляющей влияния украинского фактора мы также исходим из его преимуществен-

но этно-идеологического содержания, хотя в литературе нередко подчеркивается спорность этнической составляющей данного термина вплоть до второй половины XIX века, хотя и отмечается его использование в качестве обозначения политической самоидентификации [3].

ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВЛИЯНИЯ УКРАИНСКОГО ФАКТОРА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭЛИТУ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Территория современного Приднестровья включает земли, исторически входившие в состав сразу трех губерний Российской Империи: Херсонской, Подольской и Бессарабской, причем основная территория входила в состав Херсонской губернии. В значительной степени такой политико-географический феномен, связанный с формированием в регионе «особенной культуры», в которой органично сплелись самые яркие и самобытные черты русских и украинцев [4] (добавим — еще и молдаван, евреев, немцев, армян и представителей других национальностей), предопределило формирование ряда политических традиций в Приднестровье, которые в дальнейшем обусловили активность местного гражданского общества. Формированию структуры населения на основе этнического разнообразия, обусловившего особенности местного политического процесса в будущем, способствовало и то, что в середине XIX века именно в Херсонскую губернию и в Тираспольский уезд в частности чаще всего бежали крестьяне внутренних губерний; отмечалась также миграция крестьян из сопредельных районов Подольской губернии и Бессарабии [5].

Вплоть до революции 1917 г. сложно говорить о каком-либо влиянии украинского фактора на приднестровскую политиче-

скую элиту (в силу отсутствия на данной территории таковой как отдельной самостоятельной социально-политической группы), а также заметного влияния на гражданское общество того периода (если рассматривать в таком качестве образовательные учреждения и средства массовой информации). Территория современного Приднестровья входила единый социально-экономический и политический комплекс Юга России, включая различные аспекты, связанные с региональным разделением труда и некоторыми национальными особенностями хозяйствования [5].

При этом можно говорить не столько о влиянии украинского фактора на приднестровские социально-политические процессы, сколько о влиянии в определенные периоды времени приднестровского фактора на украинский политический нарратив, который сохраняется и в настоящее время. С Приднестровьем неразрывно связаны некоторые имена, без которых невозможно представить современную политическую традицию Украины.

Так, рядом с приднестровским городом Бендеры (правый берег Днестра) скончался гетман И. Мазепа, находившийся там после Полтавской битвы. Как отмечается некоторыми авторами, в тот период Бендеры сами по себе были весьма значимым региональным центром из-за нахождения в нем резиденции турецкого сераскира; прибытие в район Бендер шведского короля Карла XII и И. Мазепы, возникшая из-за этого иностранная дипломатическая активность обусловила формирование «прослойки элиты», пусть и «большинство украинцев не поддержало Мазепу» [6].

Кроме того, с приднестровскими Бендерами связано имя преемника И. Мазепы — П. Орлика, который после смерти Мазепы, по согласованию с представителями казачьей старшины, утвердил т. н. «Бендерские

конституции», которые в современной украинской политико-правовой науке рассматриваются как «первая европейская конституция», в которой, однако, «не содержится каких-либо концептуальных открытий, новых государственных моделей, а достаточно творчески обработан опыт отцов и дедов и положено на бумагу то, что сложилось на практике» [7], хотя, как нам представляется, сложно в этом плане оспаривать «пальму первенства» у Великой Хартии вольностей, имевшей схожее содержание. Есть сведения и о том, что приднестровское село Рашков имеет прямое отношение к судьбам сына Богдана Хмельницкого — Тимофея (Тимуша) и его жены, ожидавшей там его возвращения из похода. Менее известно то обстоятельство, что в конце XVIII века в Слободзее (неподалеку от будущего Тирасполя) располагался «Генеральный кош Черноморского казачьего войска» [8], который являлся фактическим преемником Запорожской Сечи, и этот факт отразился в национальном самосознании и политической идеологии приднестровского населения.

По сути, есть основания говорить о том, что в украинской политической науке есть определенный запрос на сакрализацию памятных мест, так или иначе связанных с современной политической идеологией. Вместе с тем, взаимосвязь именно с Приднестровьем этих мест не позволяет украинской политэлите в полной мере использовать их политический потенциал, поскольку для этого пришлось бы так или иначе поддерживать и развивать контакты с приднестровской политэлитой и гражданским обществом, что для украинской политической элиты после 2014 г. весьма затруднительно, о чем подробнее будет сказано ниже.

Октябрьская революция 1917 г. радикально изменила подходы к национально-государственному устройству. Ключевым событием для региональных

процессов становится формирование в 1924 году на территории нынешнего Приднестровья (за исключением правобережных Бендер) самостоятельной государственности — Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в составе УССР. Вследствие этого на территории Приднестровья впервые формируется самостоятельная административно-бюрократическая элита, которая структурно входила в состав административной элиты Советской Украины. В период до 1940 года (образования новой союзной Молдавской ССР) политэлита на территории Приднестровья имела самостоятельный статус и участвовала (в установленных рамках) в осуществлении межэлитной коммуникации. Вместе с тем, говорить о влиянии украинского фактора на местную политэлиту в данный период также затруднительно в силу того, что местная элита по сути являлась частью украинской политэлиты, а взаимодействие осуществлялось на принципах, присущих взаимодействию центральных и местных элит, с вертикальной мобильностью и ротацией кадров. Точно так же, как и в УССР, политэлита МАССР была подвержена кадровым чисткам и репрессиям этого периода.

С образованием государственности на территории Приднестровья в 1924 г. украинский фактор проявился в «классических» сферах, присущих современному гражданскому обществу, прежде всего в сфере науки, образования, СМИ. Так, на территории МАССР к 1938 г. находилось порядка 500 начальных и средних школ, три высших учебных заведения, отделение Украинской академии наук, Государственный театр, более 20 газет (при этом, однако, 9 газет издавалось на молдавском языке), более 500 библиотек [9].

Важнейшим аспектом этого периода, имевшим значение как для административ-

ной элиты, так и для гуманитарной сферы, стала украинизация как основа национально-государственного строительства в УССР. Украинизация, «воспитание местных кадров», «всемерное развитие украинской культуры» и пр. стала частным проявлением общего процесса коренизации государственных аппаратов, который активно претворялся в жизнь в течение практически всего периода существования СССР, а уже в мае 1923 г. был разработан и утвержден «широкий план развития украинской советской культуры, украинского языка и украинизации государственного и хозяйственного аппарата» [9].

Однако в Молдавской Автономной ССР этот процесс носил значительную специфику, поскольку, наряду с «украинизацией», осуществлялась и «молдовенизация». Как отмечалось в политических и правовых документах партийных и государственных органов УССР, «создание МАССР дало значительный толчок политическому и культурному росту одной из самых отсталых наций Украины — молдавской», а благодаря созданию МАССР «молдавский народ осуществил свою мечту об обретении национальной советской государственности, которая стала надежным залогом успешного развития его экономики и культуры в братской семье народов СССР» [10]. Таким образом, в рамках первой самостоятельной государственности на территории Приднестровья в период до 1940 г. наблюдались два процесса: «украинизации» и «молдовенизации», причем, с учетом ориентации советской политики на внешний периметр, т. е. на аннексированную Румынией Бессарабию, «молдовенизация» носила более выраженный характер.

После создания Молдавской ССР в составе СССР и ликвидации самостоятельной государственности на территории Левобережья Днестра влияние украин-

ского фактора постепенно было сведено к минимуму. Отчасти это было связано с тем, что административно-бюрократическая элита надрайонного уровня перестала существовать, а «центром» стала столица Молдавской ССР — Кишинев. Кроме того, к началу 1950-х годов были закрыты последние школы с преподаванием на украинском языке; украинский язык был сведен к уровню бытового общения в семьях и в населенных пунктах с преимущественно украинским населением. Тем не менее, сохранялись несколько каналов, связанных с формированием местной административно-хозяйственной элиты городского и районного уровней: речь идет о горизонтальной мобильности элиты (перемещения руководителей предприятий, редкие переводы на аналогичные должности из украинских структур), а также об образовательном канале рекрутирования политэлиты: после 1940 года в Тирасполе остался только педагогический вуз, который не был ориентирован на подготовку управленческих кадров; высшее образование по медицинским и сельскохозяйственным специальностям получали, как правило, в кишиневских вузах, в то время как иные специальности, имевшие, в частности, значение для деятельности правоохранительных и иных административных органов, получали зачастую в вузах Одессы, Киева, Харькова, что в дальнейшем позволило приднестровской политэлите осуществлять межэлитную коммуникацию с украинской политэлитой.

Следует отметить, что в период после 1917 г. и вплоть до распада Советского Союза наблюдался резкий политический антагонизм между советской и зарубежной украинистикой, представленной преимущественно эмигрантскими центрами в западных странах. Западные исследования носили в основном националистический

характер и исходили из необходимости бороться за украинскую независимость в обширных этногеографических границах, что позволило бы стать «сильным стабилизирующим фактором в поддержании европейского политического баланса» и выступить «барьером против Москвы» [11]. Применительно к настоящей работе заслуживает внимания то, что на протяжении десятилетий зарубежные исследования по «украинству» исходили из того, что практически вся территория современного Приднестровья включалась в состав Украины, что нередко сопровождалось фактическими ошибками: к примеру, утверждалось, что граница УССР и МССР проходила по Пруту или же по течению Днестра вверх от Рыбницы (Приднестровье), и при этом отмечалось, что государственная граница УССР на «румынском» сегменте в целом совпадает с этнографическим [12]. В других изданиях тенденция сохраняется: к примеру, Тирасполь и Дубоссары рассматриваются как «торговые города и пристани Херсонщины», а Бендеры — это «крепость и торговый город украинской Бессарабии» [13]. Позднее появляются исследования, где авторы более склонны придерживаться установленных границ УССР, однако в них особо отмечается то, что национально-культурные потребности украинского населения в Молдавии игнорируются [8].

Можно с уверенностью говорить, что зарубежные политические, этногеографические, социальные, идеологические и иные исследования сформировали ту систему взглядов и оценок, которая в настоящее время может в известной степени считаться «мейнстримом» как для политических подходов первых лет украинской независимости в отношении Приднестровья. Это же касается современных украинских политических исследований и прикладной поли-

тики, однако со значительными корректировками после 2014 г.

ВЛИЯНИЕ УКРАИНЫ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ ДО 2014 ГОДА

Демократизация политической системы, распад Советского Союза и обретение независимости союзными республиками и Приднестровьем обусловили формирование качественно новых политических феноменов и процессов.

В Приднестровье идут активные процессы становления политической элиты и оформления гражданского общества. Так, для политической элиты первых лет приднестровской независимости характерны следующие черты:

- 1) формирование местной политической элиты практически «с нуля», поскольку после 1940 г. на территории Приднестровья отсутствовали надрайонные структуры и самостоятельный опыт управленческой деятельности;
- 2) центром формирования приднестровской политэлиты стали лидеры протестного движения конца 1989-х годов, связанного с борьбой за соблюдение прав человека, в особенности в языковой, а позднее — и в иных сферах, а также представители депутатского корпуса (местных советов, Верховного Совета Молдавской ССР), избранные по обновленному общесоюзному законодательству, позднее — депутаты Временного Верховного Совета Приднестровья, избранному в 1990 г. Как следствие, в Приднестровье к власти пришла «контрэлита», не ставшая преемником политической элиты МССР или же местной партийно-государственной элиты, которая в основной массе не поддержала курс на независимость;
- 3) укрепление статуса политической элиты

после вооруженного конфликта 1992 г.;

- 4) стремление политэлиты к развитию межэлитной коммуникации, включая форматы переговорного процесса с Республикой Молдова, как ключевого способа внешней легитимизации;
- 5) особое внимание формам непосредственной демократии как базовому формату обеспечения внутренней легитимности;
- 6) многонациональный этнический состав, причем многие представители политэлиты были выходцами с Украины, имели родственные связи с жителями Украины, имели опыт получения образования или профессиональной деятельности на Украине;
- 7) заинтересованность политэлиты в укреплении и развитии местной региональной (территориальной) и гражданской (политической) идентичности.

В свою очередь, приднестровское гражданское общество как отдельный целостный политический институт на начальном этапе развития приднестровской государственности обладало следующими чертами:

- 1) Высокий уровень самоорганизации и коллективных действий, не связанный только с действиями властей, в значительной степени объясняемый общественно-политическими процессами в регионе на протяжении многих десятилетий, включая опыт казачества, самоорганизации в период гражданской войны и т. п.
- 2) Отсутствие значимых межэтнических противоречий, обусловленный более чем двухсотлетним опытом совместного проживания в регионе представителей различных этнических и социальных групп, как стихийного, так и поощрявшегося властями в различные периоды и т.п.
- 3) Высокий уровень урбанизации населения и концентрации достаточно крупных промышленных предприятий, представивших весьма сплоченные коллективы,

готовые к массовой мобилизации для защиты своих прав, в том числе в период боевых действий 1992 г.

- 4) Приоритет непосредственным формам демократии для решения ключевых вопросов общественно-политического развития, включая выражение доверия представителям политического руководства, а также регулярное проведение референдумов, причем с традиционно высоким уровнем явки.
- 5) Слабая «укорененность» в Приднестровье института политических партий; несмотря на достаточное динамичное развитие этого института, он и в настоящее время мало востребован в приднестровском политическом процессе, одной из причин чего является отсутствие в Приднестровье нормы об избрании представительных органов любого уровня по партийным спискам.
- 6) Регулярное рекрутирование политэлитой представителей гражданского общества; по сути, первые составы приднестровской политической элиты состояли преимущественно из представителей гражданского общества.
- 7) Большая роль института традиционных ценностей, с учетом приднестровской специфики (сплоченность, интернационализм, ориентация на формирование собственной идентичности — приднестровского народа, семейные и духовные ценности, уважение исторического опыта и памяти и др.).
- 8) Высокий уровень активности гражданского общества Приднестровья во внешних контактах в рамках «народной дипломатии» и в других форматах, ориентированных на создание позитивного имиджа республики за ее пределами и установление взаимовыгодных связей, в том числе по линии образования, науки, культуры и в других сферах.

Таким образом, в силу сложившихся в Приднестровье политических традиций именно гражданское общество, обособившее в своем составе «протестное ядро», сумело стать первоосновой формирования местной политической элиты. В дальнейшем, как и во многих других государствах постсоветского пространства, в приднестровской политической элите наметились тенденции к большей закрытости и самовоспроизводству, к формированию политической элиты на основе персональной лояльности и профессиональной принадлежности ее представителей, а по мере укрепления официальных политических институтов роль гражданского общества и степени его влияния на политэлисту стала ослабевать. Тем не менее, политические процессы в Приднестровье, особенно различные избирательные кампании, показывают, что роль гражданского общества по-прежнему остается достаточно значимым и оно по-прежнему сохраняет свои основные характеристики, выработанные на протяжении многих десятилетий.

Формирование независимых государств на постсоветском пространстве обусловило появление у них собственных внешних интересов, в том числе связанных с политическими процессами в сопредельных государствах. В этом контексте вполне закономерен интерес Украины к приднестровской проблематике, причем на разных уровнях и по различным направлениям.

В самом общем виде вовлеченность украинского фактора в региональный политический процесс и стремление оказать влияние на приднестровскую политическую систему обусловлено следующими факторами:

- 1) наличие в украинском политическом дискурсе, особенно в зарубежном, восприятия Приднестровья как «своей» территории;
- 2) прохождение через регион стратегиче-

ских транспортных и энергетических коммуникаций, от которых зависит «экономическая безопасность украинского государства» [14];

- 3) наличие «зон нестабильности» вдоль границ Украины в связи с сохранением неурегулированного конфликта между Молдовой и Приднестровьем;
- 4) стремление политической элиты Украины обеспечить свою субъектность в региональных политических процессах исходя из закреплённой различными документами роли Украины в таких процессах;
- 5) интересы бизнес-элит Украины, связанные с развитием региональной торговли, а также некоторыми экспансионистскими устремлениями украинского бизнеса на различных этапах;
- 6) наличие большого числа украинских граждан и этнических украинцев, постоянно проживающих на территории Приднестровья;
- 7) риски, связанные с возможными «имиджевыми потерями Украины», в том числе среди «автохтонного украинства Приднестровья» [15].

Безусловно, приведенный перечень не является исчерпывающим, но он дает представление о причинах вовлеченности Украины в политические процессы в Приднестровье и ее стремление в той или иной форме повлиять на ключевые приднестровские политические институты.

Одним из самых первых примеров, связанных с «влиянием» Украины на приднестровскую элиту можно считать опыт 1991 г., когда украинские власти передали молдавским силовикам задержанного в Киве лидера Приднестровья И. Смирнова (по другой версии — был задержан непосредственно молдавскими силовиками возле здания Верховной Рады с санкции украинского руководства), который прие-

хал в украинскую столицу по приглашению депутатов Верховной Рады на переговоры о ситуации вокруг Приднестровья [16].

В дальнейшем подобных прецедентов не было, и уже в 1992 г. украинские военизированные националистические формирования участвовали в боевых действиях в Приднестровье в качестве «составной части непризнанной республики», причем содействие в размещении штаба украинских добровольцев в Тирасполе и тыловой базы в Рашкове способствовали уже существовавшие на тот момент общественные организации украинцев Приднестровья и местные проукраинские активисты [17]. Впрочем, и в данном случае не обошлось без неоднозначных попыток повлиять на приднестровскую политэлиту: помимо успешного формирования «проукраинского лобби» в приднестровском парламенте, украинские добровольцы при поддержке некоторой части местного населения попытались «взять под контроль» часть территории Приднестровья севернее Рыбницы, т. е. в районе расположения тыловой базы [17], что ускорило разоружение и вывод украинских подразделений с территории Приднестровья. Аналогичное требование о выводе было выдвинуто и тогдашним руководством Украины.

В целом в период вплоть до 2014 г. взаимодействие украинской и приднестровской политических элит развивалось достаточно динамично, хотя были и весьма сложные периоды (к примеру, действия Киева и Кишинева по введению нового таможенного обеспечения в обход позиции Тирасполя были однозначно восприняты приднестровской политэлитой и гражданским обществом крайне негативно, как попытка установления экономической блокады и раскола между политической и бизнес-элитой Приднестровья).

Способы влияния на приднестровскую политэлиту в данный период можно услов-

но разделить на «формальные», «субстантивные» и «гипотетические».

К первым мы относим прямую межэлитную коммуникацию, включая регулярный диалог на высшем и высоком уровне. Сам факт таких контактов, вне зависимости от их реального содержания, традиционно имел (и имеет) большое значение для укрепления субъектности приднестровской политэлиты. Более того, украинская сторона периодически подчеркивала, что возможность прямых контактов между политическими элитами Украины и Приднестровья, в том числе в бизнес-сфере, и самостоятельность Киева в отношении осуществления своих таможенных и иных административных процедур не должна ставиться под сомнение и оспариваться третьими странами, включая Республику Молдова [18]. В значительной степени именно фактор прямых личных контактов между руководством Приднестровья и Украины способствовал возобновлению официальных встреч в переговорном формате «5+2» в 2011 г. после более чем пятилетнего перерыва.

Стоит отметить, что факт прямой межэлитной коммуникации между Приднестровьем и Украиной вызывал крайне резкие оценки в Молдове. Украинская политэлита регулярно обвинялась в «лоббировании» приднестровских интересов и, соответственно, способствовании «нелегальной» торговле за вознаграждение: так, «лоббисты» приднестровской политэлиты в Киеве в период президентства Л. Кучмы якобы «ежемесячно получали от приднестровских лидеров 2 млн долл. ежемесячно», а П. Порошенко, занимавший в 2005 г. пост Секретаря Совета национальной безопасности и обороны, не только якобы был акционером ряда приднестровских предприятий, но и вообще был «агентом влияния России» [19]. Естественно, что такого рода выпады в экспертных и публицисти-

ческих изданиях нередко имели обратный эффект.

К субстантивным методам мы, в частности, предлагаем отнести восприятие приднестровской политэлиты на Украине. В Киеве традиционно очень внимательно следили за высказываниями представителей приднестровской политэлиты по тем или иным вопросам, соответственно, из этого нередко делался вывод о «проукраинском» характере приднестровской элиты. При этом определяющим зачастую выступал фактор бизнес-интересов той или иной группы в приднестровской политэлите. Именно поэтому впервые получившее на парламентских выборах 2005 г. большинство республиканское движение «Обновление» (позднее трансформированное в политическую партию, которую часто связывают с самой крупной в Приднестровье финансово-промышленной группой «Шериф») рассматривалось как «более украинско-ориентированная политэлита» [20]. Авторы справедливо обратили внимание на происходившие тогда в политической системе Приднестровья процессы: действительно, приднестровский крупный бизнес, начинавший играть всё более значимую роль, стремился к политическому доминированию [20]. Естественно, что наличие у приднестровской политэлиты бизнес-интересов, связанных с Украиной, рассматривалось как внушительный инструмент влияния на саму элиту.

Кроме того, к субстантивным методам можно отнести и использовавшиеся Украиной попытки «экспорта электоральной демократии в Приднестровье и инициирования “помаранчевой революции”», в сочетании с «идеей патроната над приднестровским регионом в какой-либо форме» [21]. Впрочем, последнюю идею следует, скорее, считать не методом, а целью воздействия.

Наконец, к гипотетическим формам воздействия мы предлагаем отнести фактор границы, но при этом особо подчеркнем: речь идет исключительно о пересечении границы представителями приднестровской политэлиты в данном периоде. Как правило, пересечение границы осуществлялось беспрепятственно, однако иногда украинские эксперты считали, что использование хотя бы общего, а не привилегированного, режима пересечения границы могло бы помочь более оперативному решению актуальных для Украины вопросов [22].

Впрочем, условность деления методов влияния на предложенные нами подгруппы подтверждается именно фактором границы: если речь заходила о факторе границы как способе воздействия на бизнес-интересы политэлиты, то этот метод становился субстантивным и нередко весьма действенным.

Что касается воздействия на приднестровское гражданское общество, то в этот период оно также осуществлялось достаточно динамично, хотя и нередко достаточно противоречиво. В число основных форм и направлений такого влияния, по нашему мнению, входят:

- 1) Поддержка национально-культурных организаций украинцев. Первые такие структуры были зарегистрированы в Приднестровье уже в 1991 г. на уровне отдельных городов и населенных пунктов, позднее был создан республиканский Союз украинцев Приднестровья. Украина по разным направлениям поддерживала украинские общины («громады») Приднестровья, обеспечивала участие их представителей в работе различных международных форумов и т. п. Однако уже в середине 2000-х в украинских общинах произошел раскол, который не преодолен в полной мере до настоящего времени, и на территории Приднестровья существуют две нацио-

- нально-культурные общереспубликанские организации украинцев.
- 2) Предоставление квот для обучения в украинских вузах для приднестровских выпускников. Число таких квот регулярно увеличивалось, однако из-за особенностей украинского законодательства ими не могли воспользоваться граждане Украины, проживающие в Приднестровье: граждане Украины должны были поступать в украинские вузы на общих основаниях.
 - 3) Поддержка среднего образования на украинском языке в Приднестровье. Выше нами было отмечено, что в начале 1950-х годов на приднестровской территории была закрыта последняя школа с преподаванием на украинском языке; с 1991 г. ситуация изменилась, обучение украинскому языку как одному из трех официальных языков доступно во всех школах Приднестровья; кроме того, функционируют три полностью украинские школы.
 - 4) Взаимодействие с Приднестровским государственным университетом им. Т. Г. Шевченко. В Университете был открыт Центр украинского языка и культуры, сам вуз имел несколько десятков соглашений о сотрудничестве с ведущими образовательными центрами Украины, а представители украинских вузов регулярно участвовали в итоговой аттестации выпускников университета.
 - 5) Поддержка культурных мероприятий, проводимых в Приднестровье (фестивалей и т. п.), а также приглашение национально-культурных коллективов из Приднестровья на аналогичные мероприятия на Украине.
 - 6) Контакты по линии СМИ (в Приднестровье издается газета на украинском языке), регулярные визиты украинских корреспондентов СМИ в Приднестровье, хотя

украинскими экспертами высказывалось мнение о том, что приднестровское руководство могло бы способствовать «расширению приднестровского медиа-пространства за счет телеканалов Украины» [23].

- 7) Регулярные контакты по линии торгово-промышленных палат, бизнес-ассоциаций, взаимное участие в форумах на территории Украины и Приднестровья.
- 8) Регулярный экспертный обмен: украинская сторона часто организовывала разного рода экспертные форумы для обсуждения различных аспектов молодежной, социально-гуманитарной, культурной, образовательной политики, а также непосредственно политической проблематики. На Украине сформировались два основных центра исследования внутривосточной ситуации в Приднестровье: Киев и Херсон, кроме того, поддерживались интенсивные контакты с общественными организациями Винницы, Тернополя, Одессы.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в Киеве не избегали и «негативного дискурса», в частности, провоцирования напряженности между политэлитой и гражданским обществом Приднестровья в случаях, когда от приднестровской политэлиты требовались те или иные уступки.

ПОСЛЕ 2014 ГОДА

С началом украинского кризиса ситуация резко меняется — как в отношении приднестровской политической элиты, так и в отношении гражданского общества.

Во-первых, украинская сторона практически отказывает приднестровской политэлите в самостоятельной субъектности. Органы власти Приднестровья именуют «марионеточными», проводившиеся референдумы — «фейковыми», инициированными и поддержанными Россией для создания «видимости легитимности» [24].

Во-вторых, приднестровская политэлита в условиях отсутствия субъектности представляет, по мнению украинских авторов, «проводника» российских интересов, предоставляя возможности для влияния на внутривнутриполитические процессы на Украине [24], и, как следствие, якобы начинает представлять угрозу для национальной безопасности Украины.

В-третьих, межэлитная коммуникация сводится практически к нулю, равно как и значительная часть двусторонних контактов, и ограничивается преимущественно участием Украины в переговорном процессе в формате «5+2», где позиция украинской политэлиты крайне сложно назвать нейтральной.

В-четвертых, приднестровская политэлита перестает быть объектом влияния, а становится объектом воздействия. В отношении ряда представителей административно-бюрократической элиты Приднестровья вводятся запреты на пересечение границы с Украиной (вне связи с пандемией COVID-19).

При этом украинская сторона осуществляет постоянный мониторинг действий и заявлений приднестровской политэлиты, связанных с «Крымской весной» и событиями на Донбассе, а также весьма болезненно воспринимает участие некоторых бывших представителей приднестровской политэлиты в противостоянии на стороне народных республик.

Сведя к минимуму межэлитную коммуникацию и осуществляя лишь фрагментарный мониторинг внутривнутриполитических процессов в Приднестровье, украинские власти, по-видимому, будут наращивать воздействие на приднестровскую политэлиту, избегая прямого взаимодействия с ней.

Как следствие, в приднестровской политэлите нарастают мобилизационные настроения и понимание хрупкости нынешней си-

туации. Приднестровская политэлита пока не использует украинский фактор для консолидации населения и необходимости противодействия внешней угрозе с новой стороны, однако при сохранении нынешнего уровня контактов нельзя исключить его дальнейшей деградации.

Аналогичная ситуация складывается в сфере гражданского общества. Украинский национальный сегмент гражданского общества в Приднестровье в значительной степени дезориентирован, хотя его представители инкорпорированы политэлитой в некоторые официальные механизмы, в частности, в Общественную палату Приднестровья. В то же время сотрудничество между вузами заморожено; украинские вузы отказываются от контактов, ссылаясь на позицию центральных властей. Украинские власти отказались от идеи консолидации украинских национально-культурных объединений Приднестровья в единую республиканскую структуру, и в настоящее время ограничиваются пассивным наблюдением.

Имеющие место отдельные визиты украинских деятелей науки и культуры в Приднестровье, предоставление в дар приднестровским учебным заведениям некоторых объемов украинской литературы остаются единичными прецедентами, которые не меняют общий тренд на дистанцирование Украины от внутривнутриполитических процессов в Приднестровье. До событий 2014 г. было бы сложно ожидать, что такие знаковые, почти сакральные политические юбилеи, как 210 лет смерти И. Мазепы в Бендерах (2019 г.), 210 лет «Бендерских конституций» (2020 г.) останутся без внимания и политической элиты Украины, и ее гражданского общества.

Взаимодействие по иным каналам также ограничивается Киевом или же сопровождается негативным нарративом в отношении Приднестровья, как это происходит

в украинских СМИ. Аналогичным образом без представителей Приднестровья проводятся различные экспертные форумы.

Полагаем, что ключевым мотивом для таких действий Украины как в отношении политэлиты Приднестровья, так и в отношении гражданского общества республики является восприятие в украинском политическом дискурсе ситуации на Донбассе и ситуации в Приднестровье как аналогичных, а тезис о недопустимости «приднестровизации» Донбасса стал неотъемлемой частью современного украинского политического мифа.

В то же время было бы неверным полагать, что украинская политэлита и гражданское общество Украины полностью дистанцировались от внутривнутриполитических процессов в Приднестровье. Такой мониторинг продолжается, но пока, по нашему мнению, не для лоббирования украинских интересов в Приднестровье и национально-культурного развития приднестровских украинцев, а для того, чтобы в случае «неверных» шагов иметь возможность на те или иные формы жесткого реагирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приднестровская политическая элита и гражданское общество Приднестровья являются современными политическими институтами, развивающимися в соответствии с широко распространенными тенденциями и местными особенностями. Политэлита Приднестровья, формируемая в ходе регулярных свободных выборов, стремится к большей закрытости, к монополизации возможности директивного управления всеми сферами социально-политической жизни. При этом приднестровская политическая элита стремится создавать условия для укрепления и развития приднестровской идентичности, поскольку справедливо рассматривает эту идентичность как одну

из ключевых предпосылок своей легитимности. В свою очередь, приднестровское гражданское общество, имеющее давние традиции народовластия, самоорганизации и самовыражения, старается сохранить инструменты общественного контроля и возможности коллективной защиты гражданами своих прав, даже если политическая элита не всегда согласна с этим.

В своём развитии и политэлита, и гражданское общество Приднестровья испытали серьезное воздействие внешних факторов. Они традиционно оказывали консолидирующее воздействие, причем форма консолидации могла быть как негативной (фактор Молдовы), так и позитивной (фактор России). Украинский фактор также оказал существенное влияние на формирование и развитие ключевых политических институтов Приднестровья в силу целого ряда причин — многочисленных родственных, историко-политических, культурно-гуманитарных, социально-экономических связей между Приднестровьем, его населением, и Украиной. На территории Приднестровья также находятся знаковые для современной украинской политики места.

На протяжении длительного времени Украина так или иначе влияла на внутривнутриполитические процессы в Приднестровье, поддерживая при этом межэлитную коммуникацию с соответствующими социально-политическими группами в Приднестровье. Однако после 2014 г. и украинская политэлита, и институты гражданского общества сводят к минимуму взаимодействие с политическими институтами Приднестровья, ограничиваясь спорадическими культурными акциями и сводя политические контакты к участию в многостороннем политическом процессе. Попытки увязать такие решения с событиями на Донбассе выглядят малоубедительными с точки зрения политической науки и практики.

Приднестровская политическая элита, тем не менее, не может игнорировать украинский фактор по причине протяженной границы, вследствие того, что примерно треть приднестровского населения составляют этнические украинцы, а также по иным причинам. Как представляется, на данном этапе важно определить те приоритеты, которые могут быть востребованы

в межэлитной коммуникации, и реализовать их через призму базовых функций политической элиты. Гражданское общество Приднестровья, в свою очередь, могло бы оказать в этом сильное содействие, а возможно, и стать главной движущей силой в возобновлении политически оправданного и взаимовыгодного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Міхновський М. І. Самостійна Україна. Київ: Діокоп; 2002. 80 с.
2. Лук'яненко Л. Національна ідея і національна воля. Київ: МАУП; 2003. 296 с.
3. Гайда А. Ф. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. Москва: Модест Колеров; 2019. 200 с.
4. Жильцов С. С. История становления украинского государства (до распада СССР). *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(3):309-328.
5. Дружинина Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825-1860 гг. Москва: Наука; 1981. 216 с.
6. Рендик Т. Г. Гетьман Иван Мазепа — відомий і невідомий. Київ: АДЕФ-Україна; 2010. 480 с.
7. Конституція незалежної України. Кол. авт. За ред. В. Ф. Погорілка, Ю. С. Шемшученка, В. О. Євдокимова. Київ: Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, Спілка юристів України; 2000. 428 с.
8. Марунчак М. Г. Українці в СССР поза кордонами УРСР. Вінніпег: Українська вільна академія наук в Канаді; 1974. 248 с.
9. Подейский Н. А. Советская Молдавия. *Наша страна*. 1938;5:13-17.
10. Бабій Б. М. Українська радянська держава в період відбудови народного господарства (1921–1925 pp.). Київ: Видавництво Академії Наук Української РСР; 1961. 384 с.
11. Sciborsky M. Stalinism. *The Trident*. 1940;IV(5):22-41.
12. Тесля І. Географія України й українських поселень. Третє змінене видання. Торонто: Нью-Йорк: Видавництво об'єднання українських педагогів; 1957. 240 с.
13. Рудницький С. Початкова географія України. Друге поправлене видання. Нью-Йорк: Філадельфія: Український конгресовий комітет Америки. Видання Шкільної Ради; 1957. 136 с.
14. Кулик В. А. К вопросу о роли Украины в приднестровском урегулировании. В: Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива»; 2002. С. 58-67.
15. Єнін Є. В. Забезпечення національних інтересів України у процесі врегулювання приднестровського конфлікту. Автореф. дисс. ... канд. політ. наук. Київ: Національний інститут проблем міжнародної безпеки при РНБОУ України; 2010. 20 с.
16. Смирнов И. Н. Жить на нашей земле. Москва: Советский писатель; 2001. 240 с.
17. Кравченко М. Придністровська кампанія УНСО¹ Київ: Орієнтир, 2017. 36 с.
18. Мозер С. В. Организация совместного контроля в пунктах пропуска на украинско-мол-

¹ Запрещенная в России организация.

давской государственной границе (приднестровский фактор). Тирасполь: 2009. 176 с.

19. Munteanu I. and others. Moldova on its way to democracy and stability. From the post-soviet space into the world of democratic values. Chisinau: Cartier; 2005. 264 с.
20. Коробов В.К., Бянов Г.Н. Обновление Приднестровья. Херсон: Надднепряночка; 2006. 28 с.
21. Коробов В.К. Desiringmachine (машина желаний) и образы будущего Приднестровья.

Вестник Центра исследований южно-украинского пограничья. 2007;1-2:8-22.

22. Кулик В.А. Упущенный «конек» украинского председательства в ОБСЕ. *Зеркало недели.* 2013. 8-15 ноября.
23. Гетьманчук А., Єнін Є. та ін. Сценарії розвитку придністровського конфлікту. Виклики європейській безпеці. Київ: Інститут світової політики; 2011. 138 с.
24. Serdiuk O. Instability belt. *Ukrainian Defense Review.* 2019;3:12-15.

REFERENCES:

1. Mikhnovsky M.I. Independent Ukraine. Kyiv: Diokor; 2002. 80 p. (In Ukr.)
2. Lukianenko L. The National Idea and the Political Will. Kyiv: IAPM; 2003. 296 p. (In Ukr.)
3. Gaida A.F. Borders and Frontiers: the Terms “Ukraine” and “Ukrainians” in Their Historical Development. Moscow: Modest Kolerov; 2019. 200 p. (In Russ.)
4. Zhiltsov S.S. History of the Ukrainian State Formation (Prior to the USSR Breakup). *Post-Soviet Issues.* 2018;5(3):309-328. (In Russ.)
5. Druzhinina E.I. Southern Ukraine at the Period of the Feudalism Crisis in 1825-1860. Moscow: Science; 1981. 216 p. (In Russ.)
6. Rendiuk T.H. Hetman Ivan Mazepa — Known and Unknown. Kyiv: ADEF-Ukraine; 2010. 480 p. (In Ukr.)
7. The Constitution of Independent Ukraine. Editors: V.F. Pohorilko, Iu.S. Shemshuchenko, V.O. Yevdokimov. Kyiv: The Institute of State and Law named after V.M. Koretsky of the NAS of Ukraine, the Union of Lawyers of Ukraine; 2000. 428 p. (In Ukr.)
8. Marunchak M.G. The Ukrainians in the Soviet Union out of the Borders of the Ukrainian SSR. Winnipeg: The Ukrainian Free Academy of Sciences in Canada; 1974. 248 p. (In Ukr.)
9. Podeisky N.A. Soviet Moldavia. *The Our Country.* 1938;5:13-17. (In Russ.)
10. Babii B.M. The Ukrainian Soviet State at the Period of Recovery of National Economy (1921–1925). Kyiv: Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR; 1961. 384 p. (In Ukr.)
11. Sciborsky M. Stalinism. *The Trident.* 1940;IV(5):22-41.
12. Teslya I. The Geography of Ukraine and of the Ukrainian Settlements. The Third Revised Edition. Toronto: New-York: The Publishing House of the Ukrainian Educators’ Union; 1957. 240 p. (In Ukr.)
13. Rudnitskyi S. The Elementary Geography of Ukraine. The Second Revised Edition. New-York: Philadelphia: The Ukrainian Congress Committee of America. The Edition of the School Council; 1957. 136 p. (In Ukr.)
14. Kulik V.A. About the Question of Ukrainian Role in the Transdnestrian Settlement. In: Transdnestria in the Geopolitical System of Coordinates in the XXI Century. Tiraspol: CSPS “Perspective”; 2002. PP. 58-67. (In Russ.)
15. Yenin E.V. Securing of the National Interests of Ukraine in the Transnistrian Settlement Process: autoref. sis. ... cand. polit. sciences. Kyiv: the National Institute of the Problems of International Security at the CNSD of Ukraine; 2010. 20 p. (In Ukr.)
16. Smirnov I.N. To Live on Our Land. Moscow: The Soviet Writer; 2001. 240 p. (In Russ.)

17. Kravchenko M. The Transnistrian Campaign of UNSD² Kyiv: Orientir, 2017. 36 p. (In Ukr.)
18. Mozer S.V. The Arrangement of Joint Control at the Checkpoints at the Ukraine — Moldova State Border (the Transnistrian Factor). Tiraspol: 2009. 176 p. (In Russ.)
19. Munteanu I. and others. Moldova on its way to democracy and stability. From the post-soviet space into the world of democratic values. Chisinau: Cartier; 2005. 264 c.
20. Korobov V.K., Byanov G.N. Renewal of the Transnistria. Kherson: Naddneprianochka; 2006. 28 p. (In Russ.)
21. Korobov V.K. Desiring Machine and Images of the Transnistrian Future. The *Bulletin of the Center for Southern Ukrainian Borderland Studies*. 2007;1-2:8-22. (In Russ.)
22. Kulik V.A. Missed Fortune of the Ukrainian Chairmanship in OSCE. *Weekly Mirror*. 2013. 8-15 Nov. (In Russ.)
23. Getmanchuk A., Yenin Y. and oth. Scenarios for the Development of the Transnistria Conflict. Challenges to European Security. Kyiv: Institute of World Policy; 2011. 138 p. (In Ukr.)
24. Serdiuk O. Instability belt. *Ukrainian Defense Review*. 2019;3:12-15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексей К. Сквиков, кандидат политических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр.1;
skovikov@yahoo.com

Ольга В. Леонтьева, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика; Приднестровская Молдавская Республика, 3300, Тирасполь, ул. 25 Октября, д. 128;
lov_pmr@mail.ru

Владимир В. Ястребчак, Тираспольская школа политических исследований, Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика; Приднестровская Молдавская Республика, 3300, Тирасполь, ул. 25 Октября, д. 104;
vladhawk@rambler.ru

Alexei K. Skovikov, PhD in political science, Russian Presidential Academy of National Economy a Public Administration Science, Moscow, Russia; bld. 82, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia;
skovikov@yahoo.com

Olga V. Leonteva, Transnistrian State University named after T. Shevchenko, Tiraspol, Transnistria; bld. 128, str. October 25, Tiraspol, 3300, Pridnestrovskaiia Moldavskaiia Respublika;
lov_pmr@mail.ru

Vladimir V. Yastrebnchak, The Tiraspol School of Political Studies, Tiraspol, Pridnestrovskaiia Moldavskaiia Respublika; bld. 104, str. October 25, Tiraspol, 3300, Pridnestrovskaiia Moldavskaiia Respublika;
vladhawk@rambler.ru

² Organization prohibited in Russia